

Бернхард Шлинк
Вальтер Попп

**ПРАВОСУДИЕ
ЗЕЛЬБА**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Господин Кортен ждет вас

Сначала я ему завидовал. Это было еще в школе, в берлинской гимназии имени Фридриха Вильгельма. Я донашивал отцовские костюмы, не имел друзей и не мог ни разу подтянуться на турнике. Он был первым учеником в классе, в том числе и по гимнастике, и все приглашали его на свой день рождения, а учителя, обращаясь к нему на «вы», делали это не только по долгу службы. Иногда за ним приезжал на «мерседесе» шофер его отца. Мой отец работал на железной дороге и в 1934 году как раз был переведен из Карлсруэ в Берлин.

Кортен терпеть не мог некомпетентности в любых ее проявлениях. Он научил меня делать подъем махом вперед и поворот из упора в вис. Я восхищался им. Кроме того, он показал мне, как нужно действовать с девицами. Я провожал до школы соседскую девочку, которая жила в нашем доме ниже этажом и училась прямо напротив моей гимназии, и смотрел на нее влюбленными глазами. А Кортен взял и поцеловал ее в кино.

Мы стали друзьями, потом вместе учились в университете, он на факультете национальной экономики, а я на юридическом, и я был постоянным гостем у них на вилле на берегу озера Ваннзее. Когда мы с его сестрой Кларой поженились, он подарил мне письменный стол, который до сих пор стоит в моей конторе, мощный, дубовый, с резьбой и латунными ручками.

Теперь я редко сижу за этим столом. Работа не позволяет мне особенно расслаиваться, а когда я вечером ненадолго заглядываю в контору, на моем письменном столе не громоздятся стопки папок с делами. Меня ждет лишь телефонный автоответчик, на маленьком дисплее которого я вижу число принятых сообщений. Я сажусь за пустой стол, верчу в руках карандаш и слушаю, что

мне еще надо сделать или чего мне не следует делать, за что браться, а от чего держаться подальше. Я не люблю набивать лишние шишки. Хотя шишку можно набить и в собственной конторе, споткнувшись и ударившись лбом об стол, за которым давно уже не работаешь.

Война закончилась для меня через пять недель после того, как я попал на фронт. Спасительное ранение. Меня относительно быстро заштопали, и через три месяца я уже готовился к экзамену на ассессора. Когда в 1942 году Кортен приступил к работе на Рейнском химическом заводе в Людвигсхафене, а я в гейдельбергской прокуратуре и у нас с Кларой еще не было квартиры, мы какое-то время делили с ним гостиничный номер. В 1945 году моя карьера прокурора закончилась, и он помог мне получить мои первые заказы, которые все так или иначе были связаны с экономической сферой. Потом он пошел в гору, и у него становилось все меньше времени на общение, а после смерти Клары взаимные визиты по случаю Рождества и дней рождения прекратились совсем. Мы встречаемся в разных кругах, я больше читаю о нем, чем слышу. Иногда мы случайно встречаемся на каком-нибудь концерте или в театре и чувствуем себя друг с другом вполне комфортно. В конце концов, мы ведь старые друзья.

Потом... Я хорошо помню это утро. Жизнь была прекрасна, мой ревматизм оставил меня на какое-то время в покое, голова была ясной, а в своем новом синем костюме я выглядел молодым. Во всяком случае, мне так казалось. Ветер не доносил до Мангейма знакомую до боли химическую вонь, а направлял ее в Пфальц. В кондитерской на углу торговали шоколадными рогаликами, и я решил позавтракать на солнце, прямо на тротуаре. Какая-то молодая женщина шла по Мольштрассе. Чем ближе она подходила, тем симпатичнее становилась. Я поставил свой одноразовый стаканчик на карниз витрины и пошел следом. Через несколько шагов я уже открывал дверь своей конторы на Аугустенанлаге.

Я горжусь своей конторой. В дверь и витрину этой бывшей табачной лавки я велел вставить дымчатое стекло. Выполненная незатейливыми золотыми буквами надпись на стекле гласит:

Герхард Зельб
Частные расследования

На автоответчике было два сообщения. Коммерческий директор Гёдеке просил отчета. Я уличил его руководителя филиала в обмане, и тот, обжаловав свое увольнение в суде, потребовал доказательств своей вины. Фрау Шлемиль с Рейнского химического завода просила позвонить ей.

— Доброе утро, фрау Шлемиль. Это Зельб. Вы просили меня позвонить.

— Доброе утро, господин доктор. С вами хотел поговорить господин генеральный директор Кортен.

«Господином доктором» меня не называет никто, кроме фрау Шлемиль. С тех пор как закончилась моя прокурорская деятельность, я не пользуюсь своим титулом: частный детектив с ученой степенью — это смешно. Но фрау Шлемиль была хорошей секретаршей и раз и навсегда запомнила, как меня представил Кортен во время нашей первой встречи в начале пятидесятых годов.

— А в связи с чем, если не секрет?

— Он охотно сам вам все объяснит за ланчем в казино¹. В двенадцать тридцать вам удобно?

2

В Синем салоне

В Мангейме и Людвигсхафене мы живем под знаком Рейнского химического завода. Он был основан химиками профессором Дэмелем и коммерции советником Энтценом через семь лет после переезда Баденской анилиновой и содовой фабрики на другой берег Рейна. С тех пор он растет, и растет, и растет. Сегодня он занимает уже треть освоенной площади Людвигсхафена и насчитывает около ста тысяч сотрудников. Производственные ритмы РХЗ и ветер самовластно определяют, где и когда в регионе должно пахнуть хлором, серой или аммиаком.

Казино располагается за территорией завода и пользуется

¹ В немецком языке данное слово имеет и другие значения: офицерская столовая; ресторан или столовая (или целый комплекс общественного питания, как в данном случае) на крупных предприятиях. — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

собственной, вполне заслуженной славой. Наряду с большим рестораном для менеджеров среднего звена здесь есть несколько залов для руководства, выдержанных в разных цветах, соответственно тем краскам, синтез которых привел Дэмеля и Энтцена к первым успехам. И бар, у стойки которого в ожидании Кортена я простоял битых полчаса. Мне еще при входе любезно сообщили, что господин генеральный директор, к сожалению, задерживается. Я заказал второй коктейль «Aviateur».

— Кампари, грейпфрутовый сок и шампанское, в равных пропорциях.

Рыжеволосая веснушчатая девушка за стойкой была рада узнать что-то новенькое и расширить свой репертуар.

— Здорово у вас получается! — сказал я.

Она сочувственно посмотрела на меня:

— Вы ждете господина генерального директора?

У меня был богатый опыт ожидания — в машине, в подъездах, в коридорах, вокзальных и гостиничных холлах. Здесь я ждал в окружении золоченой лепнины и целой галереи живописных портретов, среди которых когда-нибудь появится и портрет Кортена.

— Дорогой мой Зельб!

Он шел ко мне энергичной походкой, маленький и жилистый, устремив на меня внимательный, осторожный взгляд голубых глаз; подстриженные ежиком седые волосы подчеркивали загорелую кожу, выдубленную ветром и солнцем на спортивных кортах. В квартете с Рихардом фон Вайцзеккером, Юлом Бриннером и Гербертом фон Караяном¹ он мог бы превратить «Баденвайлерский марш»² в мировой хит.

— Извини, что опоздал. А ты все еще балуешься сигаретами и алкоголем? — Он бросил неодобрительный взгляд на мою пач-

¹ *Рихард фон Вайцзеккер* — немецкий политик от партии Христианско-демократический союз, с 1984 по 1994 г. занимавший пост федерального президента Германии. *Юл Бриннер* (1920–1985) — американский актер театра и кино. *Герберт фон Караян* (1908–1989) — австрийский дирижер.

² «*Баденвайлеровский марш*» — любимый марш Адольфа Гитлера; написан в 1914 г. баварским военным музыкантом Георгом Фюрстом для Баварского Королевского лейб-гвардии пехотного полка. Баденвайлер — немецкое название лотарингской деревни Бадонвийе, при которой 12 августа 1914 г. немецкие войска одержали первую победу над французами.

ку «Свит Афтон». — Мне, пожалуйста, «Аполлинарис»¹. Ну, как поживаешь?

— Хорошо. Я теперь живу не спеша. Могу я себе это позволить в свои шестьдесят восемь или нет? За все подряд заказы уже не берусь. Через пару недель еду на Эгейское море — морской отдых на яхте. А ты все еще стоишь у штурвала?

— Рад бы бросить. Но придется потерпеть еще год-другой, пока меня кто-нибудь сможет заменить. Мы переживаем сложный период.

— Так, может, мне пора уже продавать? — Я подумал о своих десяти акциях завода, хранившихся в Баденской кассе служащих.

— Нет, дорогой мой Зельб! — рассмеялся он. — В конечном счете сложные периоды всегда приносили нам пользу. Но тем не менее случаются разного рода неприятности, которые время от времени отравляют нам жизнь. Как раз в связи с одной такой маленькой проблемой я и хотел повидаться с тобой, а потом свести тебя с Фирнером. Ты его помнишь?

Я хорошо помнил Фирнера. Несколько лет назад он стал директором, но для меня он по-прежнему был расторопным помощником Кортена.

— Он все еще носит фирменный галстук Гарвардской школы бизнеса?

Кортен не ответил. Взгляд его стал задумчивым, он словно взвешивал целесообразность введения фирменных галстуков на своем заводе.

— Пойдем в Синий салон, — сказал он, взяв меня за локоть. — Там уже накрыт стол.

Синий салон — это лучшее, что РХЗ может предложить своим гостям. Стиль модерн, мебель от ван де Вельде², лампа от Макинтоша³ и промышленный пейзаж Кокошки⁴ на стене.

¹ «Аполлинарис» — минеральная вода.

² *Апри ван де Вельде* (1863–1957) — бельгийский художник и архитектор, основатель бельгийского модерна.

³ *Чарльз Макинтош* (1868–1928) — шотландский архитектор, художник и дизайнер, родоначальник стиля модерн в Шотландии.

⁴ *Оскар Кокошка* (1886–1980) — австрийский художник и писатель чешского происхождения, важнейший представитель австрийского экспрессионизма в литературе и изобразительном искусстве.

Стол был накрыт на двоих, и, как только мы сели, официант принес салат из сырых овощей.

— Я буду пить свой «Аполлинарис», а для тебя заказал «Шато де Сани», оно ведь тебе нравится? А после салата — огузок, не возражаешь?

Мое любимое блюдо. Как мило со стороны Кортена, что он подумал об этом. Мясо оказалось нежнейшим, а соус из хрена без этой противной мучной заправки, зато обильно сдобрен сливками. Для Кортена ланч закончился на салате из сырых овощей. Пока я ел, он перешел к делу:

— Я уже вряд ли когда-нибудь подружусь с компьютерами. Глядя на молодых людей, которых нам сегодня присылает университет и которые не в состоянии принимать самостоятельные решения и за каждой ерундой бегут к своему оракулу, я вспоминаю стихотворение про ученика чародея¹. Представь себе, я почти обрадовался, когда мне доложили об инциденте с информационной системой. У нас одна из лучших в мире информационных систем управления производством. Я, правда, не совсем понимаю, кому и зачем нужна такая информация, но с терминала ты можешь узнать, что мы с тобой сегодня едим в Синем салоне огузок и салат из сырых овощей, кто из сотрудников в данный момент тренируется на нашем теннисном корте, у кого из служащих или рабочих концерна плохие или, наоборот, хорошие отношения с женой или мужем, в каком ритме одни цветы перед казино заменяются другими и как при этом переоформляются клумбы. Ну и конечно же, компьютер содержит все данные бухгалтерии и кадровой службы, которые раньше хранились в папках.

— И чем же я тут могу быть вам полезен?

— Терпение, дорогой мой Зельб! Нас уверяли, что это одна из надежнейших систем. Пароли, коды доступа, информационные шлюзы, эффекты doomsday² и черт знает что еще. Все ради того,

¹ Баллада И. В. фон Гёте «Ученик чародея» (ученик мага, подсмотрев некоторые обряды своего учителя, но не поняв их сущности, вызывает к жизни темные силы, но, не зная, как справиться с ними, погибает). Выражение «ученик чародея» употребляется для характеристики специалиста-недоучки.

² Судный день, конец света (*англ.*). Здесь имеются в виду программы-вирусы, срабатывающие в определенное время и вызывающие «эпидемию» в информационной среде.

чтобы никто не мог влезть в систему без нашего ведома. Но именно это как раз и случилось.

— Дорогой мой Кортен... — Школьную привычку обращаться друг к другу по фамилии мы не стали ломать, даже подружившись. Но «дорогой мой Зельб» действует мне на нервы, и он это знает. — Дорогой мой Кортен, я еще школьником чувствовал себя полным идиотом, глядя на деревянные счеты, а ты хочешь, чтобы я на старости лет занялся паролями, кодами доступа и всякой электронно-вычислительной белибердой?..

— Да нет, по компьютерной части все уже улажено. Если я правильно понял Фирнера, у него имеется список лиц, которые могли вызвать сбой в нашей системе, и теперь надо выяснить, кто именно это сделал. В этом и заключается твоя задача. Расследование, наблюдение, слежка, хитрые расспросы — ну, все как обычно.

Я попытался вникнуть в детали, но он не захотел продолжать этот разговор.

— Деталей я и сам не знаю, все, что надо, тебе расскажет Фирнер. Давай не будем портить себе аппетит неприятными темами. Поговорим о чем-нибудь другом — с тех пор как умерла Клара, мы так редко общаемся.

И мы переключились на старые времена. «А помнишь?..» Я не люблю старые времена, я их давно сложил в мешок и засунул подальше. Мне следовало насторожиться, когда Кортен заговорил о жертвах, которые нам пришлось приносить самим и требовать от других. Но я пропустил нужный момент.

О новых временах нам почти нечего было сказать друг другу. Меня не удивило, что его сын стал депутатом бундестага — он с ранних лет отличался важностью и всезнайством. Кортен, похоже, презирал его; с тем большей гордостью он смотрел на своих внуков. Марион получила стипендию Учебного фонда немецкого народа, а Ульрих — премию в конкурсе «Молодые ученые» за свое исследование о простых числах-близнецах. Я мог бы рассказать Кортену о своем коте Турбо, но решил воздержаться.

Я допил свой мокко, и Кортен поднялся из-за стола. Нас провозжал лично директор казино. Мы отправились на завод.

3

Почти как вручение ордена

Идти было недалеко, всего несколько шагов. Казино находится напротив проходной № 1, в тени здания главного управления, которое в своей двадцатизэтажной безликости даже не могло претендовать на роль архитектурной доминанты в силуэте города.

В директорском лифте кнопки этажей начинались с 15-й. Офис генерального директора располагался на самом верхнем, двадцатом этаже; у меня даже заложило уши, пока мы ехали. В приемной Кортен сжал мою ладонь обеими руками, сказав на прощание «старина» вместо «мой дорогой Зельб», и исчез, оставив меня на попечение фрау Шлемиль, которая тут же доложила о моем прибытии Фирнеру. Фрау Шлемиль, секретарша Кортена с пятидесятих годов, заплатившая за его успех своей непрожитой жизнью, производила впечатление ухоженной поддержанности. Она любила пирожные и носила на шее очки на золотой цепочке, которыми никогда не пользовалась. Сейчас она была занята. Я стоял у окна и смотрел вверх башен, цехов и труб на торговый порт и утопающий в бледной дымке Мангейм. Я люблю промышленные пейзажи, и мне было бы трудно сделать выбор между индустриальной романтикой и лесной идиллией.

Фрау Шлемиль прервала мои досужие размышления:

— Господин доктор, разрешите представить вам фрау Бухендорфф. Она заведует секретариатом господина директора Фирнера.

Я повернулся и увидел перед собой высокую стройную женщину лет тридцати. Заколотые на затылке темно-русые волосы придавали ее молодому лицу с круглыми щеками и полными губами выражение деловитости и компетентности. Верхняя пуговица на ее шелковой блузке отсутствовала, следующая была расстегнута. Во взгляде фрау Шлемиль я успел прочесть осуждение.

— Добрый день, господин доктор. — Фрау Бухендорфф протянула мне руку, глядя на меня своими зелеными глазами. Мне понравился ее взгляд. Женщины становятся красивыми, лишь когда смотрят мне в глаза. В прямом взгляде таится обещание,

пусть ложное и даже невысказанное. — Разрешите проводить вас к господину директору Фирнеру?

Она первой вышла из комнаты, выразительно покачивая бедрами. Хорошо, что узкие юбки опять вошли в моду. Офис Фирнера находился на девятнадцатом этаже. Перед лифтом я сказал ей:

— Давайте спустимся по лестнице.

— А вы совсем не такой, какими я представляла себе частных детективов.

Я уже много раз слышал подобные замечания и давно знаю, какими люди представляют себе частных сыщиков. И дело не только в возрасте.

— Видели бы вы меня в плаще!

— Нет, я в положительном смысле. Этот традиционный тип в плаще не обрадовался бы досье, которое вам сейчас выдаст Фирнер.

«Фирнер»... Может, у нее с ним что-то было?

— Значит, вы тоже в курсе дела?

— И даже принадлежу к числу подозреваемых. В прошлом квартале компьютер каждый месяц начислял мне лишних пятьсот марок. А я через свой терминал имею доступ к системе.

— И вам пришлось возвращать деньги?

— Я не одна такая. То же самое случилось еще с пятьюдесятью семью коллегами, и руководство пока не решило, требовать ли деньги назад.

Когда мы пришли в ее комнату, она нажала на кнопку переговорного устройства:

— Господин директор, к вам господин Зельб.

Фирнер слегка располнел. Теперь он носил галстук от Ив Сен-Лорана. Его походка и движения по-прежнему были быстрыми, а рукопожатие вялым. На столе у него лежала толстая папка.

— Приветствую вас, господин Зельб. Хорошо, что вы взялись за это дело. Мы подумали, что лучше всего подготовить вам досье, из которого вы сможете узнать все детали. Уже установлено, что это был целенаправленный акт саботажа. Материальный ущерб нам пока удалось свести к минимуму. Но ситуация может повториться в любой момент, и мы теперь не можем доверять никакой информации.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Начнем с обезьян резусов. Наши готовые к отправке телексы, если они не срочные, обычно сохраняются в системе и рассылаются ночью, когда действует выгодный тариф. Так же обстоит дело и с нашими индийскими заказами — научно-исследовательскому отделу каждые полгода требуется около сотни резусов, с экспортной лицензией индийского Министерства торговли. Так вот две недели назад в Индию ушел заказ не на сто, а на сто тысяч обезьян. Слава богу, индийцам это показалось странным, и они запросили подтверждение.

Я представил себе сто тысяч обезьян на заводе и ухмыльнулся.

— Да-да, у этой истории, конечно, есть и комические стороны,— произнес Фирнер с вымученной улыбкой. — Хаос в расписании тренировок на заводских теннисных кортах тоже вызвал немало веселья. Теперь приходится проверять каждый телекс, прежде чем он отправляется адресату.

— А откуда вы знаете, что это была не простая опечатка?

— Секретарша, которая составляла текст, как обычно, попросила распечатать его для проверки и визирования. В распечатке стоит правильное число. Значит, изменения в телекс были внесены в то время, когда он ждал своей очереди на отправку. Мы изучили и другие случаи, собранные в этом досье, и убедились, что ошибки программирования или обработки информации исключены.

— Хорошо, я все это потом прочитаю. А пока не могли бы вы сказать мне что-нибудь о круге подозреваемых?

— Мы действовали по традиционной схеме. Из числа сотрудников, имеющих доступ к системе или теоретическую возможность проникновения в нее, мы исключили всех, кто работает у нас более пяти лет. А поскольку инцидент произошел семь месяцев назад, то отпадают и те, кто был принят на работу уже после него. В некоторых эпизодах удалось установить дату внедрения в систему, например в случае с телексом. Таким образом, отпадают все отсутствовавшие в тот день. Кроме того, мы протоколировали все данные некоторых терминалов за определенный отрезок времени и ничего не обнаружили. Ну и наконец... — он самодовольно улыбнулся, — мы, я полагаю, можем исключить и директоров.

— И сколько же человек остается?

— Около ста.

— Да на это же уйдут годы! А может, систему взломали какие-нибудь хакеры? О таких случаях то и дело пишут в газетах.

— Эту версию мы в тесном сотрудничестве с почтой тоже исключили. Вы говорите, годы... Мы тоже понимаем, что случай непростой. Но время не терпит. Это не просто неприятность — это бочка с порохом, если учесть, сколько коммерческих тайн и секретов производства таится в памяти компьютера. Это все равно что во время битвы... — Фирнер — офицер запаса.

— Оставим пока битвы в стороне, — прервал я его. — Когда вы хотите получить от меня первый отчет?

— Я бы попросил вас постоянно держать меня в курсе. Вы можете свободно располагать временем сотрудников заводской охраны, отдела защиты информации, вычислительного центра и кадровой службы, отчеты которых найдете в этой папке. Я думаю, мне не надо говорить вам о том, что все должно проходить в условиях полной секретности. Фрау Бухендорфф, удостоверение для господина Зельба уже готово? — произнес он в переговорное устройство.

Она вошла в кабинет и протянула Фирнеру пластиковый прямоугольник размером с банковскую карту. Он поднялся из-за стола и подошел ко мне.

— Я распорядился сделать ваш снимок, когда вы входили в здание, и запаять его в удостоверение, — сообщил он с гордостью. — С удостоверением вы можете в любое время свободно передвигаться по территории завода.

Он прикрепил мне его на лацкан с помощью пластикового зажима, похожего на прищепку для белья. Это выглядело почти как вручение ордена. Я чуть не щелкнул каблуками.

4

Турбо поймал мышь

Вечер я провел за изучением досье. Действительно крепкий орешек. Я попытался распознать некую структуру, некую связь между отдельными случаями, лейтмотив внедрений в систему.

Злоумышленник или злоумышленники проникли в отдел расчета заработной платы и сделали так, что секретаршам директоров, в том числе фрау Бухендорфф, несколько месяцев подряд начисляли на пятьсот марок больше, чем положено, работникам низкооплачиваемых категорий удвоили отпускные выплаты, а заодно уничтожили счета всех сотрудников, начинающиеся с «13». Они внедрили во внутризаводскую систему передачи информации, отправили в пресс-службу часть секретной директорской корреспонденции и уничтожили сведения о юбилеях, которые в начале каждого месяца получают руководители отделов. Программа распределения и резервирования времени тренировок на кортах подтвердила все заявки на одну из пятниц, день повышенного спроса, и однажды в мае на шестнадцать кортов явилось одновременно сто восемь игроков. И наконец, эта история с результатами. Я понимал вымученную улыбку Фирнера. Ущерб в пять миллионов для такого предприятия, как РХЗ, — далеко не самое страшное. Но тот, по чьей вине этот ущерб возник, знал все ходы и выходы в информационной системе управления производством концерна.

За окнами стемнело. Я в задумчивости несколько раз щелкнул выключателем лампы, но, несмотря на бинарность этого процесса, так и не смог глубже проникнуть в суть электронной обработки данных. Я стал перебирать в памяти своих друзей и знакомых в надежде вспомнить кого-нибудь, кто разбирался бы в компьютерах, и понял, как я стар. Орнитолог, хирург, гроссмейстер, несколько юристов, все пожилые люди, для которых компьютер, так же как и для меня, — книга за семью печатями. Я задумался о том, что это в принципе может быть за человек, который умеет обращаться с компьютерами и любит с ними возиться, попытался представить себе злоумышленника в порученном мне новом деле, — в том, что здесь действует только один человек, я уже не сомневался.

Запоздалое мальчишество? Игрок, технарь-кудесник, шутник, затеявший грандиозный розыгрыш и избравший объектом своих проказ ни больше ни меньше — РХЗ? Или шаптажист с холодной головой и умелыми руками, недвусмысленно намекающий, что может нанести и гораздо более ощутимый удар?

Или политическая акция? Общественность переполошилась бы, узнав о масштабах хаоса, разразившегося на предприятии, которое работает с высокотоксичными материалами. Нет, злоумышленник, руководствующийся политическими мотивами, придумал бы совсем другие эпизоды, а шантажист уже давно мог бы нанести свой удар.

Я закрыл окно. Ветер изменил направление.

Для начала я решил поговорить завтра с Данкельманом, начальником заводской охраны. Потом надо будет просмотреть в отделе кадров личные дела всех ста подозреваемых. Хотя надежды на то, что я смогу распознать «игрока» по его персональным данным, у меня было мало. При одной мысли о том, что придется проверить сотню подозреваемых по полной программе, меня бросало в холодный пот. Я надеялся, что весть о начале расследования быстро облетит завод, спровоцирует дальнейшие инциденты — и круг подозреваемых сузится.

Да, не самое приятное дело. Мне только теперь пришло в голову, что Кортен даже не спросил, хочу ли я заняться расследованием. А я не сказал ему, что должен подумать.

В балконную дверь царапался мой кот. Я открыл ее, и Турбо положил передо мной мышь. Я поблагодарил его и отправился спать.

5

В гостях у Аристотеля, Шварца, Менделеева и Кекуле

Со своим специальным удостоверением я легко нашел место для парковки на территории завода. Молодой охранник проводил меня к своему шефу.

Данкельман явно страдал от сознания того, что он не настоящий полицейский и тем более не сотрудник какой-нибудь спецслужбы. Это было написано у него на лбу. В этом смысле все сотрудники охраны предприятий одинаковы. Прежде чем я приступил к расспросам, он успел сообщить мне, что оставил службу

в бундесвере только потому, что она была для него слишком скучной.

— Мне понравился ваш отчет, — сказал я. — Вы там, кажется, упоминаете проблемы с коммунистами и экологами?

— Этих ребят трудно поймать за руку. Но тут даже школьнику понятно, откуда ветер дует. Честно говоря, я не понимаю, зачем понадобилось привлекать к расследованию вас, человека со стороны. Мы бы и сами разобрались.

В комнату вошел его помощник. Томас, как представил его Данкельман, производил впечатление компетентного, умного и результативного сотрудника. Я понял, почему Данкельману удалось удержаться на должности начальника охраны.

— Господин Томас, вы можете еще что-нибудь прибавить к отчету?

— Хотел бы обратить ваше внимание, что мы не собираемся полностью уступать вам поле деятельности. Нам ловить преступника удобнее и проще, чем кому бы то ни было.

— И как вы намерены это делать?

— Боюсь, что у меня нет желания посвящать вас в свои планы, господин Зельб.

— И тем не менее вам придется это сделать. Не заставляйте меня тратить время на разъяснение моих обязанностей и полномочий.

С такими людьми нужно быть жестче и официальной.

Томас попытался возразить мне. Но Данкельман перебил его:

— Хайнц, успокойся, все в порядке. Утром звонил Фирнер и сказал, что мы обязаны всеми силами и средствами помогать господину Зельбу.

Томас молча проглотил обиду и взял на два тона ниже:

— Мы решили с помощью вычислительного центра устроить ловушку с приманкой. Оповестим всех имеющих доступ к системе о создании новой, строго секретной и, что самое главное, абсолютно надежной базы данных. На самом деле эта база данных для хранения особо важных сведений пуста, ее практически не существует. Я бы очень удивился, если бы преступник не клюнул на информацию об «абсолютной надежности». Это же для него

Шлинк Б.

Ш 69 Правосудие Зельба ; Обман Зельба ; Прощание Зельба : романы / Бернхард Шлинк ; пер. с нем. Р. Эйвадаса, Т. Заславской. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. — 672 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-24327-9

Во время Второй мировой Герхард Зельб был прокурором, после войны открыл детективное агентство. Сейчас ему под семьдесят, без работы он не сидит, и каждое дело оборачивается крупным скандалом — как правило, неприятным. Друг детства просит расследовать хакерские атаки — и Зельбу, который ничего не смыслит в компьютерах, зато неплохо разбирается в людях, открывается мрачная тайна прошлого, которой лучше бы так и остаться тайной. Неизвестный заказчик бесцеремонно требует найти пропавшую девушку, якобы его дочь, — и Зельб ввязывается в бешеную гонку, где будут терроризм, фантомные и реальные пожары, предательства, ложь и безумие. Случайное знакомство с банкиром принесит вроде бы необременительный заказ — найти тайного компаньона банка, — и внезапно люди гибнут неведомо отчего, раскрываются финансовые махинации, из мутных глубин всплывает мафия, кого-то похищают, врут все, в дверь то и дело стучится потрепанный судьбой человек с неожиданной вестью, и все это всерьез угрожает здоровью Зельба. Такую жизнь было бы не просто вынести, не будь Зельб в избытке наделен обаянием, самоиронией, решимостью прирожденной ищейки, а также дружбой людей, готовых поддержать в самой странной ситуации...

В 1987 году Бернхард Шлинк, уважаемый юрист и педагог, к некоторому удивлению публики, внезапно обратился к «легкому» жанру и совместно с Вальтером Поппом написал «Правосудие Зельба», а затем, уже самостоятельно, два продолжения, за одно из которых получил старейшую и самую престижную детективную литературную премию Германии *Deutscher Krimipreis*; многочисленные премии за его знаменитый роман «Чтец» были еще впереди. Трилогия Шлинка о Зельбе — три густо замешанные истории о том, что за невинным фасадом зачастую таится ужас, а прошлое всегда догонит, как от него ни беги.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Герм)-44

БЕРНХАРД ШЛИНК
ПРАВОСУДИЕ ЗЕЛЬБА
♦
ОБМАН ЗЕЛЬБА
♦
ПРОЩАНИЕ ЗЕЛЬБА

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректор Валентина Гончар

Подписано в печать / Баспаға қол койылды 21.12.2023.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 41,16. Заказ №

Изготовитель:
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,
115093, Москва, вл. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19,
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге,
191123, Санкт-Петербург,
Воскресенская набережная, д. 12, лит. А,
Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші:
«Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ —
ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, вл. тер. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19,
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург к. «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» ЖШҚ филиалы,
191123, Санкт-Петербург,
Воскресенская жағалауы, 12-үй, А лит.,
Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басыл шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуу туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Бороздино-1, комплексе № 3А.
www.pareto-print.ru

У-ВВМ-33238-81-3